
Карта
Европейской России.
Ледовитый океан
Василий
Шульгин
Столыпин
и Ленин
Два сценария
для России

Василий Витальевич Шульгин

Столыпин и Ленин. Два сценария для России

Серия «Русская история (Алгоритм)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74687101
Столыпин и Ленин. Два сценария для России:
ISBN 978-5-00269-167-8

Аннотация

Василин Витальевич Шульгин (1878-1976) был одним из лучших публицистов и ораторов предреволюционной России. Ему довелось принимать отречение императора Николая II, потом Шульгин стал одним из идеологов белого движения. Оказавшись в эмиграции, а потом и в Советском Союзе, он старался беспристрастно разобраться в причинах распада Российской империи. В этой уникальной книге в сфере внимания мыслителя – два пути развития России. Буржуазный, который предлагал Петр Столыпин, и коммунистический, величайшим апологетом которого стал Владимир Ленин. Шульгин анализировал опыт великих политиков XX века и по личным впечатлениям, и по результатам их деятельности. Это глубокое исследование двух главных доктрин в истории нашей страны. Книга Василия Шульгина необходима всем, кто интересуется историей России,

судьбами ключевых идей XX века, которые актуальны и в наше время.

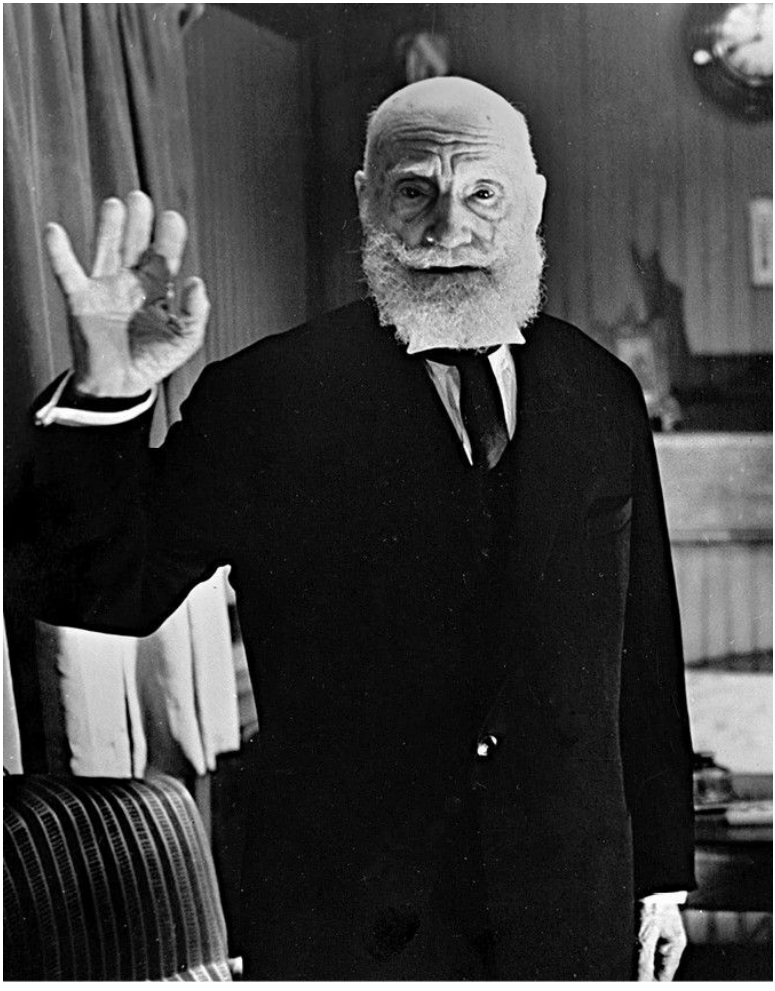
В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Опыт Ленина 7
Краткое предисловие 7
Насмешка судьбы 10
Статья в «Правде» 17
Имя русское 21
Судилище 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Василий Витальевич Шульгин
Столыпин и Ленин
Два сценария для России

© Шульгин В.В., правообладатели, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026



Василий Шульгин

Опыт Ленина

Краткое предисловие

Мысли, в настоящем произведении изложенные, – волнительные, тревожные; и это не зависимо от их ценности или бесполезности. Бередить раны, старые и новые, так сказать, впустую не имело бы смысла. Должны быть для этого мучительного занятия причина и цель. То и другое налицо.

Мне было сказано:

– Было бы интересно, а может быть, и полезно, если бы вы записали ваши теперешние мысли. В случае, если эта запись приобретет форму книги, это еще не значит, что ее можно будет напечатать. Но все же и в виде рукописи в единственном экземпляре ваш труд будет как бы продолжением ваших печатных произведений, написанных более тридцати и даже без малого сорока лет тому назад.

При этом имелись в виду мои книги: «1920 год», написанный в 1921 году, «Дни», написанные в 1922 году, и «Три столицы», написанные в 1926 году.

Вышеизложенный разговор был причиной, почему я взялся за перо. Цель настоящего труда – удовлетворить весьма лестный для меня интерес к тому, до чего я додумался за столь долгие годы.

Но в процессе писания оказалось, что этот труд в высшей степени нужен мне самому. И это вот почему.

Мне исполнилось 80 лет. Я – не канцлер Аденауэр. Последний проявляет исключительные в его возрасте жизненные силы. Но я старик обыкновенный, так сказать, нормальный, мои силы при конце. Но кроме того, я старик верующий, религиозный. В качестве такового я имею потребность готовиться к переходу туда, куда мы идем все. Уходя, естественно подвести какой-то итог своей жизни.

Изложенные здесь мои теперешние взгляды и суть этот итог. Совокупность

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Когда я глубоко задумался над самим собою, то мне как бы раскрылось, что внутренний смысл моей долгой жизни состоял в постижении того, что я назвал «опыт Ленина»!

Путем тяжких испытаний и переживаний изучал я его. Изучал с разных сторон, изучал издали и вблизи. Но изучил все же совершенно недостаточно. Сознаю это.

Однако для дальнейшего изучения сил у меня больше нет. Что понято, то понято. Глубже и лучше поймут другие. Я же ставлю точку.

Согласно с вышеизложенным эта книга, точнее сказать – рукопись, предназначается для тех, кто заинтересовался мо-

ей скромной персоной. Это внимание было толчком, а также дало мне силы исполнить то, что крайне необходимо мне самому, а именно.

Мне нужно исчерпывающе поговорить со своей собственной совестью; потому что я, выражаясь высоким стилем, ощущаю себя «на пороге смерти».

Насмешка судьбы

Мне не пришлось лично встретиться с Лениным, о чем сожалею. Но мы встречались иначе.

Вернувшись в Россию в апреле 1917 года, он, Ленин, поселился в ставшем вследствие этого знаменитым так называемом «особняке Кшесинской», что на Каменноостровском, близ Троицкого моста.

Я почти каждый день проходил мимо этого особняка, так как жил неподалеку; с тех пор, как там поселился Ленин, вокруг дома всегда стояла толпа. Я иногда даже останавливался. С балкона второго этажа беспрерывно говорились речи. Может быть, когда-нибудь говорил и Ленин, но я не знал его в лицо. Несомненно, говорили те, что приехали с ним из Германии. Прислушиваясь к этим речам, я понял, что здесь происходит. С этого балкона стремились уничтожить русскую армию. Всеми средствами разлагали дисциплину, натравливая солдат на офицеров. И требовали немедленного мира «без аннексий и контрибуций». Последнее, то есть «без аннексий и контрибуций», слушатели пропускали мимо ушей. Но слово «мир» действовало как атомно-водородная бомба, хотя их, таких бомб, тогда, еще не было. Слово «мир» сыпало радиоактивные частицы на тысячи километров от особняка Кшесинской и отравляло солдатские души, маня их бросить фронт и вернуться по домам. Никому не хотелось воевать.

Армия еще держалась в силу дисциплины и чувства долга. От того и от другого освобождали солдатскую совесть ораторы с балкона Кшесинской.

Владимир Ильич Ленин

Меж тем Временное правительство объявило продолжение войны. Но каким образом можно было воевать и одновременно терпеть эту проповедь, проповедь из особняка Кшесинской?

То, что без всякой помехи совершалось ежедневно около особняка Кшесинской, показывало крайнюю слабость правительства князя Львова. Если бы что-нибудь подобное произошло во время войны с Гитлером, то Сталин расстрелял бы проповедников мира прежде, чем они успели бы вымолвить это слово. Но Временное правительство делало вид, будто оно не слышит «голос Кшесинской».

…Кажется, это было в апреле старого стиля. Государственная дума уже не существовала как таковая. Но было созвано совершенно необычное заседание из бывших членов государственных дум всех четырех созывов. И оно открылось в Большом зале Таврического дворца. В этом торжественном заседании я с кафедры Государственной думы рассказывал, что происходит около особняка Кшесинской…

Я обвинил людей из особняка Кшесинской в государственной измене, в измене родине.

И это была моя первая «встреча» с Лениным. Насколько я знаю, В.И. никак не реагировал на мое обвинение в измене, брошенное ему перед лицом всей России.

Но сейчас, сорок лет спустя, наедине со своей совестью, я раздумываю над тем, что он мог бы мне тогда ответить. И прихожу к выводу, что он мог бы сказать:

– Царскую Россию я не считаю своей родиной. Моя родина – целый мир!

И к этому мысленно я прибавляю:

– А ведь ты, милый друг В.В. Шульгин, прожив сорок лет со времени заседания четырех государственных дум в апреле 1917 года, и сам думаешь приблизительно так.

Я не могу сбросить с себя цепей, наложенных на меня рождением. Я еще ощущаю Россию как свою Родину. Но я сознаю, что это цепи. Я желал бы освободиться от них и быть гражданином вселенной. Другими словами, я понял и исповедую внутреннюю правду Интернационала; того самого Интернационала, который я так страстно ненавидел в 1917 году…

Старик, который на склоне лет думает так же, как и в начале своей жизни, – или большой мудрец, или нечто совсем противоположное.

Он мудрец, если уже в молодости он знал такие истины, которые за его жизнь не состарились, остались незыблемыми. Это бывает редко. Гораздо чаще бывает, что человек остается при своих мнениях и тогда, когда их неправильность ему самому стала ясной; такой человек не мудрец, а упрямец…

Я был ярым националистом. Сейчас я думаю об этом предмете в двух словах нижеследующее.

Петр Струве

Национализм имеет перед человечеством великие заслу-

ги. Огромные дела, подвиги самоотвержения, открытия науки, творения искусства, грандиозные предприятия совершились и еще совершаются во имя нации. Но все же с началом этого века национализм является силой более разрушительной, чем созидательной. Ужасные войны XX века имеют своей основной причиной именно национализм… Зато никто не может упрекнуть меня, что, признав внутреннюю правду Интернационала, я ищу чего-то для себя…

В мае 1918 года в Киеве, тогда оккупированном немцами, много говорили о том, что через Киев будто бы прошло исключительной важности письмо от Вильгельма II к Николаю II. Царствующий германский император будто бы предлагал отрекшемуся от престола императору русскому вернуть ему престол в том случае, если он согласится санкционировать Брестский мир. Письмо будто бы дошло, и Николай II будто бы ответил:

– Скорее мне отрубят правую руку, чем я подпишу отторжение от России Украины.

Через месяц после этого Николай II погиб. Легенда ли это письмо германского императора, или здесь таится нечто истинное? По моему скромному разумению, к 50-летию печальной кончины последнего русского императора, то есть к 4 (17) июня 1968 года, следовало бы рассветлить обстоятельства, при которых был убит Николай II.

Пусть эта грустная страница предстанет перед миром такой, как она была.

Я рассказал о моей первой «встрече» с Лениным у особняка Кшесинской. Примерно в это же время я получил характеристику духовной сущности Ленина от его бывшего соратника – ученого-марксиста академика Струве.

Я спросил Петра Бернгардовича:

– Что такое Ленин? Я о нем ничего не знаю, кроме того, что слышал с балкона Кшесинской. Но ведь Вы должны были его хорошо знать. Ведь Вы, так сказать, с ним за одним столом сидели. Что это за человек?

Струве долго не отвечал. Он ходил по кабинету мимо меня, теребя длинную бороду. У него была эта манера. В трудных случаях он иногда долго искал подходящую оболочку для своей мысли. Но зато она, мысль, вдруг вырывалась из его уст, неожиданно краткая и четкая. Так было и на этот раз. Он вдруг остановился против меня. И сказал:

– Ленин, Ленин – это думающая гильотина!

Этим он хотел выразить, что Ленин столь же умен, как жесток.

Эти слова «думающая гильотина» я не раз вспоминал при каждой новой жестокости советской власти, впрочем, только в тех случаях, когда эти жестокости можно было как-то понять, став на точку зрения наших противников…

Статья в «Правде»

Третья «встреча» с Лениным произошла при нижеследующих обстоятельствах.

Государственная дума как законодательное учреждение уже не существовала после Февральской революции 1917 года, но члены Государственной думы еще собирались на частные собрания для обмена мнениями. Собрания были открытые в том смысле, что отчеты о них печатались в газетах. На одном из таких собраний я сказал речь (в мае 1917 года), высказав некоторые мысли. Обращаясь к социалистическому лагерю вообще от лица тех, кого называли и называют еще буржуазией, а если выражаться точнее, от лица имущего класса, я сказал примерно следующее:

– Я знаю, что вы нас разденете. Но если этой ценой вы спасете Родину, раздевайте! Плакать не будем.

На эту мою речь отозвался Ленин в газете «Правда». Статья эта озаглавлена так: «На зубок новорожденному… «Новому» правительству». В этой статье на мой счет сказано:

«Из речи Шульгина на заседании организующейся контрреволюции (заседание членов Гос. думы 17.V):

«Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем». Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда мы будем у власти, мы вас не

«разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам подсильной и привычной…»

Статья напечатана в «Правде», № 50, 19 мая 1917 года. Цитируется по «Полному собранию сочинений В.И. Ленина», том 20, стр. 344.

Случилось так, что эту статью я не прочел тогда же, то есть когда она появилась в «Правде».

Я узнал о ней много позже и прочел ее примерно в 1948 году в «Полном собрании сочинений Ленина». Я находился тогда в заключении, во Владимирской тюрьме.

Обещание Ленина, что большевики нас не только не разденут, а дадут нам хорошее платье и хорошую пищу, прозвучало едкой насмешкой в тюрьме, где то и другое было соответствующим нашему арестантскому положению. Но я не поставил и не ставлю Ленину этого в вину. Когда он пришел к власти, произошла Гражданская война.

Еще определеннее и много выразительнее прозвучало на одном митинге (в мае 1917-го) восклицание бывшего председателя Государственной думы Михаила Владимировича Родзянко. Он имел внушительную внешность, был головою выше среднего роста и имел могучий голос. На этом митинге один матрос, сильно разъяренный призывами Родзянко защищать родину, закричал в неистовстве:

– Тебе-то есть что защищать! А что я буду защищать, когда у меня ничего нет?!

Родзянко ответил голосом таким, как нынче рычат мегафоны, поставленные на полный ход:

– Рубашку снимите, Россию спасите!!!

Но Гражданская война произошла. Она произошла не потому, что помещики хотели спасать свои имения, а потому, что они хотели спасти свою родину. Но так или иначе Гражданская война произошла. Шульгины и Родзянки не легли ковриком под ноги большевикам, а боролись с ними всеми доступными им средствами. Это был их долг перед Россией и собственной совестью. Но это снимает с Ленина обязательство, данное им со страниц «Правды». Оно было произнесено в предположении, что мы согласимся работать с большевиками. Те, кто это сделал, не могут жаловаться. Граф А.Н. Толстой получил от советской власти все, что нужно человеку. Если он при этом сохранил чистую совесть, то это такое его счастье, он, значит, искренне принял большевизм. Но мы не могли этого сделать. Мы могли сделаться большевиками только спасая свои головы или ради благ мирских. Ибо душа наша большевизма не вмещала. Можно, конечно, думать, что мелкие эти наши душонки были – не поняли, что в мир пришло великое. Пусть история нас рассудит…

Все же мне кажется, небесполезно было бы современным строителям коммунизма узнать, что именно сорок лет тому назад нас от них отвратило.

Когда слушаешь или читаешь обычные по этому поводу рассуждения, то становится обидно и стыдно. Наши тогдаш-

ние противники, как и теперешние их наследники, не знают других объяснений, почему возникла гражданская война, как только то, что озлобленные помещики продались иностранным интервентам. Им в голову не приходит, что за имения, хотя бы и дорогие сердцу, не отдают жизни своей и жизни своих сыновей, погибших в бесчисленных боях. Это что касается помещиков. Но их число в Белой армии было невелико и даже просто ничтожно. Так называемая Добровольческая армия на 57 процентов состояла из низового народа, из казаков. Остальные были офицеры и интеллигенты, как общее правило, не имевшие ни кола ни двора.

Имя русское

Принципиальная защита собственности как института, на котором стоит мир, несомненно, входила в концепцию белых.

Еще более ими руководили свободолюбивые чувства. Царская Россия за 10 лет Государственной думы достигла такой политической свободы, которая просто кажется невероятной нынешним гражданам Советского Союза. Но если бы они могли прочесть стенографические отчеты Государственной думы и газеты того времени, это стало бы им ясно. Диктатура пролетариата отбросила нас примерно ко временам Иоанна Грозного. Либеральная интеллигенция, не примкнувшая к большевикам, ответила на рецидив деспотизма восстанием.

Защита собственности и вольнолюбие были немаловажными причинами белого движения. Но оно стало на ноги и окончательно оформилось, когда был заключен Брестский мир.

«Есть еще и Россия!» – говорил Деникин.

В этом деле и я принял посильное участие. И это была еще одна «встреча» с Лениным.

Еще в апреле 1917 года из особняка Кшесинской Ленин провозгласил независимость Украины. В это время еще сами украинствующие, в лице самого видного своего вожака,

ученого, профессора и политического деятеля Михаила Грушевского, говорили только об автономии.

Прошло менее года (февраль 1918 года), в Бресте подписывали «похабный мир». И вот за столом, где обсуждались его условия, сидели рядом как представители трех держав немецкие генералы, послы России и Украины. Именно Брестский мир, создавая и санкционируя нарождение нового государства, Украины, одновременно зачеркнул дело Богдана Хмельницкого, воссоединившего северное и южное племя единого русского народа.

Ленин выступает с броневика

На Брестской бумаге писалось «независимая» Украина. На самом деле никакой независимости Украина не получила, а просто была отдана немцам, которые немедленно ее и оккупировали.

Позор «похабного мира» (выражение самого Ленина) мы не вынесли. И возмущение этим деянием стало главной причиной гражданской войны. Белая армия подняла над собой знамя «Единая Россия». В этом деле есть и моя капля меду;

не меду, а желчи, смешанной с кровью. С детства я читал на величественном памятнике работы Микешина, стоявшем посреди Киева, против собора XI века, знаменовавшего величие древней Киевской Руси, читал я надпись:

Богдану Хмельницкому единая, неделимая Россия.

С другой стороны памятника были слова:

Волим (хотим) под царя Восточного Православного!

Эти слова были решением Переяславской рады (казацкого народного собрания) от 8 января 1654 года. В этот день раздалась всенародная молитва:

– Боже укрепи, Боже утверди, чтоб мы всегда едины были!

И вот это дело наших предков, коим Московия превращена была в Россию, ибо из Киева «пошла и стала есть Русская Земля», и без Киева, «матери городов русских», не может быть России, это дело Ленин рушил и отдавал нас императору Вильгельму.

Юг восстал против севера, потому что север изменил не только государству Российскому, но изменил самому русскому народу. Мечта поляков убить русское могущество, оторвав от единого русского народа его треть, перекрестив оную в украинцев, совершилась на наших глазах под водительством немцев.

За что боролся Богдан Хмельницкий?

Он сказал, открывая Переяславскую раду 1654 года:

– Враги наши хотят, чтобы самое имя русское не произносилось в нашей земле.

Хмельницкий боролся за имя русское. Мы, его духовные наследники, воскресили его лозунги, и в этом был возвышенный и пламенный смысл белого движения.

Сохранить имя русское и единство русского народа.

Нас не поняли и покрыли клеветой наши стремления. Поняли ли мы большевиков?

В этом смысле, быть может, интересна одна страница из моей же собственной книги «1920 год». В главе «У Котовского» я описываю, как мы шли по улице города Тирасполя в качестве пленных, но свободно. Никто нас не трогал. Но могли все же задержать.

«Действительно, к нам подошел патруль или что-то в этом роде. Во главе был молодой офицер— не офицер, словом, человек весь в кожаном. Но лицо у него было симпатичное. Я почувствовал, что надо взять инициативу, и предупредил его вопрос.

– Товарищ, не хотите ли меняться на мою бекешу?

Бекеша была у меня очень недурна. Он окинул меня взглядом и ответил:

– А вам, наверное, надо штатское пальто… У меня есть, вам подойдет… черное… Идите со мной.

Мы пошли по улицам. День был теплый, и солнце ласково грело. Не помню, как начался разговор. Он сказал:

– Как мы все довольны, что товарищ Котовский прекратил это безобразие…

– Какое безобразие? Расстрелы?

– Да, мы все этому рады. В бою— это дело другое. Вот мы несколько дней тому с вами дрались… еще вы адъютанта Котовского убили. Ну, бой так бой. Ну, кончили. А расстреливать пленных – это безобразие…

– Котовский хороший человек?

– Очень хороший… И строго приказал. И грубость не разрешает… Меняться – это можно… У меня хорошее пальто – приличное.

Не знаю почему, разговор скользнул на Петлюру. Он был очень против него восстановлен.

– Отчего вы так против Петлюры?

– Да ведь он самостийник.

– А Вы?

– Мы… Мы за Единую неделимую.

Я должен сказать, что у меня, выражаясь деликатно, глаза полезли на лоб. Три дня тому назад я с двумя сыновьями с правой и левой руки, с друзьями и родственниками, скифски-эпически дрался за Единую неделимую именно с этой дивизией Котовского. И вот, оказывается, произошло легкое недоразумение: они тоже за Единую неделимую»» (Шульгин В.В. 1920 год. Очерки. Российско-Болгарское книгоиздательство. – София, 1921, стр. 102, 103).

Однако с внешней стороны в 1918 году все было, в наших

глазах, против Ленина. Он как будто точно выполнял предначертания немцев. Разложив русскую армию и по Брестскому миру создав независимую Украину, он отдал ее Германии, то есть сделал то, чего немцы добивались, что было целью их похода на Россию. Мудрено ли, что, наши союзники, англичане и французы, приняли Ленина просто за немецкого агента. И это тем более, что план расчленения России на республики был немецкой выдумкой. По крайней мере, у меня в руках была географическая карта, изданная в Вене, где эти республики, числом десять, были обозначены. Эта карта появилась до революции, она была отпечатана примерно в 1916 году. Таково же было содержание листовок, которыми немецкое командование забрасывало наши окопы. Все эти летучки были впоследствии напечатаны отдельной книгой, вышедшей в Киеве. Там говорилось:

– Без отделения Украины от России никогда не удастся нанести такого сокрушительного удара, чтобы эта азиатская держава перестала угрожать Европе.

Существует юридическая формула: qui prodest? Смотри, кому выгодно. Кому было выгодно все, что делал Ленин? Вся видимость вопияла всеми голосами: немцам!

Отсюда вывод был ясен. Мы этот вывод сделали и расценивали Ленина соответственно. Могло ли быть иначе?

Могло. Видимость может вводить в заблуждение. История показала, что Ленин не был тем, чем мы его считали, то есть исполнителем немецких предначертаний. Он имел пра-

вильное предчувствие, что «похабный мир» не удержится, так как французы, англичане и американцы разобьют немцев и без помощи России. Обязательств же перед нашими союзниками Ленин не имел. В этом была существенная разница. Для нас сепаратный мир был бы изменой своему слову. Для Ленина – нет. Он слова не давал.

Теперь, более спокойно вглядываясь в прошлое, я начинаю думать, что все произошло как надо.

Белые спасали «имя русское» по завету XVII века. И старались уберечь это русское имя от порухи его чести перед лицом XX века. Поэтому они и назывались белыми.

Красные смотрели более реалистично. Не связанные никакими понятиями о национальной чести, они занялись другим. Они прекратили международную бойню на русском фронте.

Русское имя вследствие этого временно пострадало, но много русских жизней было спасено.

В награду за наши труды судьба даровала нам, как говорят французы, вкусить «горький хлеб изгнания». Но этот горький хлеб был помазан неким медом. Медом этим была чистая совесть. Это тоже кое-что. Быть может, мы ошибались, но поступали добросовестно.

Красные в награду за свои труды получили в свое распоряжение одну шестую часть суши, на которой они на свой манер прославили имя русское, и, пожалуй, так, как никогда раньше.

Лорд Керзон, в общем не любивший русских, писал о них примерно следующее:

– Русские превосходные колонизаторы, добродушнее победителей обезоруживают побежденных, и потому между теми и другими устанавливаются отношения, которые нам, англичанам, не удавались.

Лорд Керзон говорил о царской России. Мне трудно судить, продолжает ли Советская власть царскую традицию в смысле добродушия. Если это так, то все же рассчитывать на благодарность народов слишком оптимистично. Может быть и обратное. Положение Советской власти будет затруднительное, если в минуту какого-нибудь ослабления центра всякие народности, вошедшие в союз Российской империи, а затем унаследованные СССР, будут подхвачены смерчем запоздалого национализма. Все они тогда начнут вопиять, призывая небеса во свидетели, что они требуют только того, что поощряла Советская власть, когда дело не касалось ее самой.

– Колонизаторы, вон из Украины! Вон из Крыма! Вон из Грузии! Вон с Кавказа! Вон из Казахстана! Узбекистана! Татарии! Сибири! Вон, колонизаторы, из всех четырнадцати республик. Мы оставим вам только пятнадцатую республику, Российскую, и то в пределах Московии, набегами из которой вы захватили полсвета!..

Идет борьба за гегемонию на земном шаре. За первое место!

Эта претензия быть первыми имеет свое основание в том случае, если мы первые не только потому, что нам этого хочется, а и по существу дела.

Н.С. Хрущев однажды сказал крылатое слово.

– Если у нас будет самая счастливая жизнь на земном шаре, то надо быть идиотом, чтобы от этого самого лучшего порядка отказываться!

Это как будто правильно. Если я говорю «как будто», а не просто правильно, то потому, что «идиоты», вероятно, все-таки будут.

И на поверку еще и окажется, что они не совсем идиоты. Дело в том, что определение, каков же лучший порядок, не так-то легко дается. И можно поставить вопрос: есть ли, или лучше сказать, может ли быть лучший порядок, одинаковый для всех? Поговорка недаром говорит:

– Что русскому здорово, то немцу смерть!

Вернемся к «опыту Ленина».

Мое мнение, сложившееся за сорок лет наблюдения и размышления, сводится к тому, что для судеб всего человечества не только важно, а просто необходимо, чтобы коммунистический опыт, зашедший так далеко, был беспрепятственно доведен до конца.

Может показаться странным слышать такие речи из уст убежденного сторонника индивидуализма. Но если поразмыслить, то именно так, как я говорю, я и должен говорить… Но я ведь не сверхчеловек, как все большие реформаторы.

Я не пошел бы на такой опыт, по крайней мере не положил бы русский народ на стол под нож экспериментатора. Но вышло не по-моему. Опыт начали, опыт продолжается. И экспериментаторы утверждают, что если им не будут мешать, то примерно через сорок лет мирного существования они действительно осуществят рай на земле, который они обещали тоже сорок лет тому назад.

Отношение ко всему происходящему сейчас в мире должно определяться тем, чего надо желать: беспрепятственного продолжения опыта Ленина или его насильственного прекращения.

Я твердо стою за продолжение опыта с тем, чтобы довести его до конца.

Великие страдания русского народа к этому обязывают. Пережить все, что пережито, и не достичь цели? Все жертвы, значит, насмарку?

Нет! Опыт зашел слишком далеко…

Черногорец не терпит над собой инокровной власти. Бедный до невероятия, он века просидел на своей бесплодной Черной горе, но ни султаны, ни сам Наполеон не могли этими непреклонными горцами овладеть, как и орлами в небесах.

Черногорцы. Что такое? —
Бонапарте вопросил.
Говорят, что племя злое
Не боится наших сил!

Русский иной. Жители равнин, открытых для всяческих нашествий, русские должны были склоняться перед неодолимой силой вроде монголов. Они должны были вытерпеть татарское иго, продолжавшееся 250 лет. В этих испытаниях русские выработали удивительную живучесть и приспособляемость. И потому они явились прекрасным материалом для постройки «системы без свободы». Не случайно, что коммунизм строит на наших просторах, а не в Англии, например.

В данном случае Карл Маркс, по-видимому, ошибся. Он мыслил, что коммунизм придет как следствие развитого капитализма, изжившего самого себя в своих собственных противоречиях. Страной развитого капитализма была в ту пору Англия; Маркс, вероятно, думал, что Англия покажет пример и первая сделает коммунистический опыт. Но на поверку вышло иначе.

Россия, а не Англия, оказалась подходящей почвой для выращивания социализм-коммунизма, и Ленин, который отнюдь не англичанин, начал грандиозный опыт, длящийся уже сорок лет…

Некоторые явления уясняются только при продолжительном их наблюдении.

Славянофилы сто лет тому назад провозгласили свое учение.

Православие! Самодержавие! Русский народ!

Вот три кита, на которых, по их мнению, стоит русская

земля. Они могли бы прибавить и четвертого: поземельную общину. Славянофилам казалось, что общинное землевладение есть природная особенность славян, которой они отличаются от других рас. В этом русских славянофилов поддерживал Мицкевич, знаменитый польский поэт.

Славянофилов взяли в штыки. Их опровергли, осмеяли и сдали в архив истории. Но вот прошло сто лет. И если внимательно присмотреться к тому, что творится ныне на святой Руси, то невольно приходишь к выводу:

– А ведь славянофилы кое в чем были правы!

Как так? Ведь они проповедовали примат православия! А православие еле терпят в Советском государстве. Одинокие церкви, где идет служба Божия, маячат среди множества других, превращенных в музеи— в лучшем случае. Обыкновенно же церкви отданы под склады всякой всячины, а иногда в церковных зданиях помещаются хлев. Можно ли такое положение считать торжеством православия?

Конечно, нет. Но можно взглянуть на дело немного глубже, с несколько иной точки зрения.

Что такое православие? Это религия. А что такое религия? Религия – это вера. Религиозное устремление – это потребность души человеческой в вере.

Все явления жизни можно осваивать либо рассудочно, либо с помощью веры. Славянофилы, обозначая православие как первый устой для России, хотели сказать, что в русской душе заложена глубокая потребность в вере. И это оправда-

лось.

Верить можно в разное. Существует на свете бесконечное число религий. Он верят в разное и по-разному. Но общее у всех религиозных людей – это потребность верить. Верить, не рассуждая.

Что же произошло в наши дни? Произошла перемена в отношении объектов веры.

Пусть в толще своей русский народ перестал верить в Бога и Иисуса Христа, сын Божия. Но потребность в вере в его душе осталась…

Атеизм русского народа – это вера, чистейшей воды вера. И поэтому этот атеизм носит в себе признаки веры: нетерпимость к другим верам, потребность искоренять их, глумиться над ними. Это происходит из глубокого убеждения, что только она, вновь обретенная вера, истинна. Поэтому хочется лежать перед ней во прахе и, если нужно, умереть за нее.

Кто вдумается в происшедшее, должен будет признать, что русские народные масс восприняли материализм религиозно…

И верят. Иначе быть не может. Есть люди и целые народы, которым необходимо верить. Таковы русские.

Как бы там ни было, крушение православия в России показало, что русский народ не может быть без веры. Вместо одной появляется другая. И потому правы был славянофилы, когда они выдвинули религию как первый устой русского мировоззрения.

Самодержавие. Это второй член славянофильского символа веры.

В январе 1926 года, приехав в Ленинград и выйдя из здания вокзала, я увидел на площади монументальный памятник императору Александру III. Подойдя ближе, прочел надпись:

Мой сын и мой отец народом казнены.
Но я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Навеки? Как люди могут ошибаться. Но я тогда еще не знал этого наверное. Поэтому я разразился экспромтом, продиктованным мне божеством. Если бы я знал тогда то, что я знаю теперь, я только улыбнулся бы.

Впрочем, я кое-что уже предугадывал тогда и даже несколько раньше. В книге «1920 год»… А впрочем, это не важно, что мне тогда мерещилось. В общем, я предчувствовал появление нового самодержца всероссийского… Мне кажется, что в 1927 году он уже и родился. И с этого времени единодержавие Сталина росло и крепло и наконец достигло силы почти сказочной. Трудно найти в истории со времен Чингисхана властителя более могущественного и абсолютного. Французский король Людовик XIV говорил про себя:

– Государство – это я!

В его устах это была звонкая фраза, но если бы эти сло-

ва повторил Сталин, то это была бы сама действительность. Если Сталин наморщил брови, то это могло означать смерть многих людей и даже целых народов. Если Сталин улыбнулся, то мог пролиться дождь милосердия. Если он задумался, то это могло быть нарождением всяких начинаний, вплоть до перемены географии и климата.

По мановению вождя появлялись озера, каналы, моря и вырастали, как грибы после дождя, миллионные города. Пирамиды фараонов, в свое время бывшие чудом единовластия, повторились при Сталине в ином виде, но в более грандиозных размерах. Была создана колоссальная военная промышленность, благодаря которой была отбита грозная атака Гитлера. В этой войне самодержавие Сталина достигло своего апогея, высшей точки. Разумеется, превосходные планы русских генералов и природное боевое могущество русского народа для меня вне сомнения. Но без исконной способности обожать своего монарха и повиноваться ему беспрекословно, каковую способность Сталин сумел воскресить в русском народе, Россия не выдержала бы удара Германии.

Это обожание Сталина и каменную веру в него я ясно мог ощутить, когда страна, где я жил (Югославия), была оккупирована, и я три месяца провел в ближайшем соприкосновении с советскими войсками. Да простят меня, но это воинство по внешнему виду мало походило на дисциплинированную армию вроде немецкой. Оно скорее напоминало некую восточную орду, стихийно заливающую страну. Но эта орда

была оснащена тщательно подготовленной техникой, и вел ее вождь, в которого эти люди безоглядно, свято верили и готовы были за него лечь костьми.

Объявив войну с Гитлером «Отечественной», то есть заимствовав это название от войны 1812 года, войны с Наполеоном, Сталин окончательно стал в позу Александра I, императора Всероссийского. Таким образом самодержавие, то есть соединение всей власти в одних руках, еще раз сыграло великую роль в истории русского народа…

Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Навеки! Вечность длилась десять лет. Бедный Демьян Бедный. Это он составил издевательскую надпись для памятника Александра III. Но судьба, злая насмешница, посмеялась над плохим пророком.

Самодержца забыли. А само самодержавие? Перешло ли оно к кому-нибудь другому или, по Демьяну Бедному, на этот раз действительно сброшено навеки?

Не знаю. Но вряд ли. Ведь его причина— душа человеческая. Не думаю, чтобы в русских душах пропала потребность подчиняться одному обожаемому. Она, эта потребность, образовалась в течение веков и, может быть, веками будет изживаться.

Самодержавие сейчас существует потенциально. Оно та-

ится в руках того или тех, кто после 25-летнего идолопоклонства заставили народ в пять лет забыть совершенно о предмете своего обожания. Оно, это скрытое самодержавие, понимает, что русская душа не терпит пустоты, что она должна кого-то обожать. И потому народу указали, перед кем надо преклоняться…

– Ленин!

Пока обстоятельства не потребуют живого самодержца, хорошо обеднять души человеческие в культе мертвого. Это правильно. Ленин своим загробным авторитетом оправдывает и осеняет дела живых.

Но если обстоятельства изменятся, появится, надо думать, самодержец живой! В культе Ленина не найдешь ответа на некоторые самые животрепещущие вопросы. Мертвый не может объявить, а тем более вести войну.

А ведь мы живем до сих пор «на грани войны».

По всем этим вышеизложенным причинам и обстоятельствам я думаю, что славянофилы были правы, когда вторым членом своего символа веры они обозначили самодержавие, точнее было бы сказать, единодержавие, как говорил знаменитый историк Ключевский. Он думал так: единодержавие было бы наилучшей формой правления, если бы не случайности рождения.

Этим он хотел сказать, что наследственное единодержавие наталкивается на подводный камень, когда на престол вступает неспособный правитель только потому, что он сын

своего отца.

Но в наше время самодержцы всходят на незримый свой престол не в силу рождения, а в силу своих личных качеств. Они, так сказать, сами зарабатывают свою невидимую корону. Поэтому для наших дней «если бы» Ключевского отпадает.

Судилище

Не разойтись уж нам без встречи роковой.
«Пиковая Дама». Пушкин. Чайковский

Мне кажется, что я могу приступить к моей последней «встрече» с Лениным.

Она происходит сейчас. И это роковая встреча. Роковая для меня. Я чувствую: или мы как-то сговоримся…

Сговориться! Сговориться с покойным?

Для меня загробная жизнь – реальность. Ленин жив. И я иногда вижу его во сне.

На такое заявление кто улыбнется, кто рассердится. Но я не могу изменить совершенно реального факта: я вижу иногда Ленина во сне. Это так же верно, как то, что я никогда не видел его наяву.

И мне надо с ним сговориться. Не для него, а для себя. Он великий человек, а я ничто в смысле следа, который я оставлю в этом мире. Но в смысле естественных прав человека мы равны. К естественным правам человека я отношу и право на чистую совесть, право ощущать себя неправым.

После Бога самая великая сущность существования – это диавол. Желательно было бы оказать справедливость и тому, кто был денницей, то есть первым архангелом, а потом стал бесом. Но невозможно, на мой взгляд, будучи человеком, су-

дить о делах ангельских, хотя это делали Байрон и Лермонтов.

Но я поставлен своею совестью в такое положение, что мне необходимо дать самому себе отчет, как я отношусь к Ленину, которого одни считают величайшим из людей, а другие называют антихристом, то есть сатаной.

Последний сон, который я видел о Ленине, был несколько месяцев тому назад, если не год. Он был такого содержания, что потребность определить свое отношение к Ленину стала неотступной. Этот сон можно считать вещим, пророческим, так как он сейчас сбывается. Короткий был это сон, но многозначительный.

Где-то в незнакомом мне помещении, слегка напоминавшем залу суда, где меня самого судили в Киеве, должен был состояться новый суд. На трибуне уже сидел судья. Справа от него на кафедре стоял прокурор, обвинитель. Но слева, где место защитника, было пусто. В местах для публики, кроме меня, не было никого.

Вдруг в залу вошел Ленин. Он прямо подошел ко мне. Сказал:

– Не хотите ли быть моим защитником?

Я понял, что здесь будут судить именно его, Ленина. Я посмотрел на пустое место слева от судьи. И понял, что у Ленина нет защитника. И ощутил, что так нельзя. Невозможно судить человека, у которого нет защитника. А сам он не мог, то есть не должен был защищаться, ведь никто не судья

в своем деле. И я без колебания ответил:

– Хочу.

Если бы я принадлежал к благородному сословию поэтов, о которых Пушкин сказал:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман…

– то здесь сфальшивил бы. Я изложил бы дальнейшее как продолжение моего сна; так было бы эффектнее. Но в таком деле как настоящее, когда человек обыскивает самые затаенные уголки своей совести, не должно быть никакой подрисовки. Поэтому я должен честно сказать, что после того, как я сказал Ленину «хочу», я проснулся. Несносное свойство снов (моих), иногда обещающих много, – в том, что они почти всегда прерываются на самом интересном месте.

Итак, обещание, данное мною Ленину во сне, во сне не было исполнено. Поэтому я хочу быть его защитником не в загадочном состоянии сна, а наяву, то есть в полном сознании, или, как говорят иногда, в здравом уме, в твердой памяти.

Но все же, чтобы покончить с этим сном, я хотел бы ответить на естественный вопрос: почему у Ленина не было защитников?

Говоря о загробном мире, Христос выразился так:

– У Отца моего обителей много.

Этим, вероятно, давалось понять, что души умерших не находятся все вместе. Там, где хотели судить Ленина, была обитель душ, ставших жертвой «опыта Ленина». В этой обители у Ленина не нашлось защитника.

Прокурор, обвинитель бросил на чашу весов правосудия все, что говорило против Ленина. Он говорил долго, я изложу его речь в сжатом виде.

Он вменил Ленину в вину государственную измену. Все деяния, которые были в пользу противника. Разложение армии, деградация офицеров, фактическое уничтожение русского фронта.

С особой силой обвинитель обрушился на проповедь сепаратного мира. Ленин не только сам изменил своей родине, он требовал, чтобы изменником стал весь русский народ, запятнав свою национальную честь. Требовал, чтобы Россия нарушила свои обязательства перед союзниками, отступила от торжественных своих обещаний. И получив власть, он, Ленин, заключил Брестский мир, который был понят союзниками и особенно Францией именно как измена. Ведь Франция, объявив войну Германии, поступила так во исполнение своего договора с Россией о взаимной помощи в случае нападения. Она воевала честно и верно, несмотря на то, что потери Франции пропорционально численности населения были гораздо тяжелее, чем потери России.

– Брестский мир! – восклицал прокурор. Ведь это было как раз то, что ставила себе целью Германия. В апреле

1917 года, еще не получив власть, Ленин объявил независимость Украины. Это было сделано для того, чтобы в январе 1918 года представители Украины могли заключить мир с немцами наравне с представителями России. Немедленно после заключения этого мира между Германией и Украиной последняя пригласила немцев занять ее территорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.